

**ТОПОГРАФИЯ ЧУЖОГО:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ УЧЕБНИКОВ ГЕОГРАФИИ
КАК ОСНОВАНИЕ КАРИКАТУРНОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ
НА СТЫКЕ XIX–XX ВЕКОВ**

С. А. Троицкий

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
Социологический институт РАН – Филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
sergtroy@yandex.ru

Рассматривается, как построение визуальных образов, отражающих культурные стереотипы, в то же время создает культурную карту. Анализируя взаимовлияние национальных стереотипов на уровне обыденного сознания, формируемых посредством преподавания географии, с одной стороны, и визуальную риторику Чужого, воплощенную в карикатуре, – с другой, мы фиксируем взаимные изменения обоих. Наша задача – воссоздать систему визуальных образов в политической карикатуре короткого периода истории русской культуры, названного империализмом, когда идеология романтического национализма, выражавшаяся в активном колониальном переделе мира, протекционизме, была на пике, то есть последнего десятилетия XIX века, фактически завершившегося в политической истории России русско-японской войной (1904) и началом первой русской революции (1905). Для выявления сложившихся национальных стереотипов привлекаются описания ментальных особенностей различных стран (народов) из российских учебников географии, использовавшихся для преподавания накануне исследуемого периода. Такой подход является новым для изучения политической карикатуры и приводит к неожиданным выводам. Авторы учебников исходят из романтической установки, что определения носят характер сущностных, неотъемлемых, а значит, изображение любого представителя является изображением каждого представителя народа (страны). Другими словами, учебники географии транслируют общие национальные стереотипы о других народах, фиксировавшиеся с помощью преподавания на уровне обыденного сознания, что позволяет понимать юмор карикатурных изображений практически всем. Карикатура является продолжением культурного или политического дискурса, чьи установки она транслирует, поэтому именно карикатурные визуальные образы и позволяют исследователю выявить типическое (стереотипное) содержание в повседневной культуре (на уровне обыденного сознания) и определить черты культурного и политического дискурса

того периода, а также зафиксировать какие-либо изменения в стереотипах (правда, такие изменения могут произойти только под воздействием каких-то глобальных событий, таких как революция). В статье показывается, как ментальная карта мира из учебника географии, где в центре находится Россия, конкретизируется и трансформируется в ментальную карту мира, где существуют стереотипные чудовища – Другие, легко трансформируемые во врагов, а научный дискурс того периода легко трансформируется в инструмент политической пропаганды. Исследование строится от общего описания исторического и политического контекста, исследовательских установок, основных характеристик имагологического дискурса в карикатуре к рассмотрению более конкретных примеров, сопоставлению национальных стереотипов из учебников географии Германии, Франции, Турции, Японии, Китая с национальными стереотипами, фиксировавшимися карикатуристами в отношении этих же стран.

Ключевые слова: учебник географии, ментальная карта, национальный стереотип, политическая карикатура, имагология, Чужой, значимый Другой.

**TOPOGRAPHY OF THE ALIEN:
NATIONAL STEREOTYPES OF GEOGRAPHY TEXTBOOKS
AS A BASIS FOR CARICATURED VISUALIZATION OF IDEAS
ABOUT SPACE AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY**

Sergey A. Troitskiy

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

Sociological Institute, Russian Academy of Sciences –
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
sergtroy@yandex.ru

The article discusses how constructing visual images that reflect cultural stereotypes simultaneously creates a cultural (mental) map. The objective of the paper is to reconstruct the system of visual images in political caricatures of a short period of history of Russian culture (the last decade of the 19th century and the first five years of the 20th century) culminating in fact in the Russo-Japanese war (1904) and the first Russian revolution (1905). Then the ideology of romantic nationalism was at its peak. That period is referred to as imperialism because it was characterized by an active colonial redivision of the world and protectionism. To reveal the main national stereotypes, the article draws on descriptions of the mental characteristics of various countries (peoples) from

Russian geography textbooks used for teaching on the eve of the analyzed period. Attracting geography textbooks as a source of national stereotypes for political caricature studies is a new approach, and it leads to unexpected conclusions. The authors of textbooks proceed from the romantic attitude that definitions are essential, integral, which means that the image of any representative is the image of every representative of the population (country). Geography textbooks transmit common national stereotypes about other peoples, which, by teaching, are fixed at the level of everyday consciousness. It allows almost everyone to understand the humor of caricature images. Caricature is a continuation of the cultural or political discourse whose attitudes it translates, so it is caricature visual images that allow the researcher to identify (stereo) typical content in everyday culture (at the level of everyday consciousness), determine the features of the cultural and political discourse of that period, and record any changes in stereotypes. The article shows how the mental map of the world from the geography textbook in which Russia is located in the center is concretized and transformed into an everyday mental map of the world that has stereotypical monsters-Others, easily transformed into enemies. The scientific discourse of that period is easily transformed into a tool of political propaganda. The research develops from the general description of the historical and political context, research attitudes, and the main characteristics of imagological discourse in caricature to the consideration of more specific examples, comparisons of national stereotypes from geography textbooks (Germany, France, Turkey, Japan, and China) with national stereotypes recorded by caricaturists in relation to these countries.

Keywords: geography textbook, mental map, national stereotype, political caricature, imagology, Alien, significant Other.

DOI 10.23951/2312-7899-2021-4-234-255

Представление о пространстве часто визуализировалось с помощью антропоморфных или зооморфных образов, позволяющих не только передать знания о населении конкретных регионов, но и зафиксировать политические и культурные предпочтения и ожидания от них. Стимулируемый стремлением о-своить мир вокруг, человек находил в неуправляемой среде черты знакомых существ, с которыми можно «договориться», черты животного или человека, и не важно, были это созвездия, силы природы или территории. Такая иконическая трактовка встречается в географической картографии с ранних карт и становится особенно популярной в эпоху Великих географических открытий. В Средние века она заменяла сопроводительные описания регионов и отражала господствующую

тенденцию в культуре, направленную на визуализацию информации для неграмотных. Карта и атлас – это не только фиксация мест относительно друг друга, но и справочная информация о них, а также о культурных взаимоотношениях с тем регионом, житель которого эту карту (атлас) составляет. Подобного принципа картографирование придерживается до сих пор: «Только после того, как “собственные” пространства будут рассмотрены, “остальные” могут быть поняты, но часто менее подробно» [Halder, Michel 2018, 12]. Центром мира, исходной точкой оказывается собственный регион картографа.

На этом же принципе строится и строилось изучение географии в школе на протяжении всей истории школьного образования. Например, российский учебник «Всеобщей географии учебная книга» (1874) начинался словами: «При описании государств я соображался с политической их важностью: Россия, как могущественнейшая держава и как важнейший предмет познаний для русских, описана подробнее всех; затем пространнее других описаны Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия, Германия и Соединенные Северо-Американские штаты» [Ободовский 1874, III]¹. Вместе с тем такой подход существовал наряду с другим, предполагавшим сначала изучение Земли как целого, а уже потом освоение региональной географии. В учебно-методическом сочинении Н. И. Раевского, впервые опубликованном в 1885 году и выдержавшем множество изданий, эти подходы назывались синтетическим и аналитическим соответственно. При этом аналитический метод более конструктивен, по мнению Раевского, но более сложен для восприятия, поэтому лучше «начальное образование вести преимущественно синтетическим путем как наиболее подходящим к детской природе, систематический же курс излагать аналитическим методом» [Раевский 1911, 81]. Неудивительно, что первоначальные данные о географии преподносились младшим школьникам именно синтетическим методом в хрестоматиях по русскому языку, начиная с того, что школьника окружает, а затем уже расширяя круг объектов [Ушинский 1870; Водовозов 1871].

В учебниках географии интересующего нас периода, как и в учебниках истории, мы можем найти явное маркирование и даже точные описания «культурной репутации» (В. В. Головин) народов, сложившейся в культуре авторов учебников. Однако если в учебниках истории авторы формировали у читателя образ другого народа

¹ Надо отметить, что и учебники по всеобщей истории тоже строились россицентрично, а история других народов преподносилась как преддверие или необходимый контрастный контекст для русской истории; см.: [Беллярминов 1910; Рождественский 1882].

как бы исподволь, обращаясь к характеристикам ретроспективно, зачастую указывая на них как на исторические истоки ментальности, – и, читая учебники по истории определенного времени, мы, зная время написания и публикации учебника, можем *восстановить* реальное отношение к этим народам в период публикации, то учебная литература по географии дает прямые описания «ментальностей». «Особое значение имеет репрезентация в учебной литературе образа той страны, по отношению к которой собственное общество выстраивает свою национальную идентичность, – того конституирующего “Другого”, само существование которого придает форму “Я”-концепции» [Журавлева, Курилла 2009, 5].

Визуальные антропоморфные или зооморфные образы, использовавшиеся, чтобы охарактеризовать ту или иную локацию, обязательно должны были содержать в себе основные черты, соответствующие стереотипному представлению об этих локациях. Иными словами, для успешного считывания аудиторией заложенной в эти образы информации они должны были обладать собственной однозначной иконографией, быть своего рода маркерами, «иконками». Это свидетельствовало о том, что карта (атлас) несет в себе однозначность трактовки, исходящей от картографа как носителя конкретных культурных ценностей и стереотипов, а также о полном отказе от интерпретативности во всем, что касается карт. «Как следствие, читатель карт легко впадает в привычку видеть “карту как точное изображение реальности”» [Pickles 2004, 35]. Таким образом границы, зафиксированные в картах (атласах), были гораздо более действительные, чем на местности. Условная стратификация пространства, производившаяся картографами, подтверждала и / или устанавливала четкие культурные роли, определяя, кто Свой, а кто Чужой.

В данной статье нас интересует, как построение визуальных образов, отражающих культурные стереотипы, в то же время создает культурную карту. Наша задача – воссоздать систему визуальных образов в политической карикатуре короткого периода истории русской культуры, названного империализмом, когда идеология романтического национализма, выразившаяся в активном колониальном переделе мира, протекционизме, была на пике, т. е. последнего десятилетия XIX века, фактически завершившегося в политической истории России русско-японской войной (1904) и началом первой русской революции (1905). Для выявления сложившихся национальных стереотипов в данной статье планируется привлечь описания ментальных особенностей различных стран (народов) из российских учебников географии, использовавшихся для препода-

вания накануне исследуемого периода. Авторы учебников исходят из романтической установки, что определения носят характер сущностных, неотъемлемых, а значит, изображение любого представителя является изображением каждого представителя народа (страны). Другими словами, учебники географии транслируют общие национальные стереотипы о других народах, фиксируя с помощью преподавания на уровне обыденного сознания, что позволяет понимать юмор карикатурных изображений практически всем. Карикатура является продолжением культурного или политического дискурса, чьи установки она транслирует. Поэтому именно карикатурные визуальные образы и позволяют исследователю выявить типическое (стереотипное) в повседневной культуре (на уровне обыденного сознания) и определить черты культурного и политического дискурса того периода (см.: [Артемова 2002]), а также зафиксировать какие-либо изменения в стереотипах (правда, такие изменения могут произойти только под воздействием каких-то глобальных событий, таких как революция [Moores 2015, 151–176]).

В интересующий нас период (конец XIX – начало XX века) российские журналы и газеты охотно разбавляют свои серьезные сообщения карикатурными изображениями; кроме того, издаются специальные сатирические журналы, на страницах которых большое внимание уделяется уничижению Чужих. Наряду с уже сложившейся карикатурной иконографией прежних оппонентов России на внешнеполитической арене появляется потребность найти место на карте Чужих новым образам. Расширение европейской в целом и российской в частности карты мира – главным образом на Восток (Япония, Китай, Корея), – а также «сокращение» пространства за счет технического совершенствования средств коммуникации повлекли за собой поиск новых способов описания.

Дискурс Чужого² раскрывается через локальные визуальные образы врага в отношении таких народов, как англичане, немцы и австрийцы, турки, японцы. Процесс формирования образа врага в их отношении был взаимным [Денисов 2009, 113–126]. Как показывает Ханнес Хофбауэр (Hannes Hofbauer), автор исследования подобных процессов, в отношении России конструирование образа врага и формирование имагологической иконографии «московитских монстров» (Moscovite monsters) [Ruffmann 1952; Halperin 2018; Королева 2016] было результатом жесткой геополитической конкуренции

² Термины «Чужой» и «Другой» используются здесь в общепринятом значении, сложившемся окончательно в гуманистике в середине XX века: «Другой» в самом общем смысле – «не-Я», а «Чужой» – радикализированный Другой. Чтобы избежать путаницы, оба термина используются в написании с большой буквы.

[Хофбауэр 2018]. Радикализация образа Чужого через конструирование образа врага необходима для того, чтобы любые политические решения в отношении объекта этой радикализации сделать легитимными, чтобы получить поддержку со стороны общества [Senghaas 1972, 42].

Распространенные в национальных дискурсах «ментальные характеристики» народов в целом, описание их через особенности, якобы присущие всем представителям от рождения, строились частично на предрассудках в отношении Чужого. В европейской литературе позднего Просвещения такой подход (описание менталитета) используется как научный (например, И. Г. Гердером), тем более что он сопутствует и утверждает идею национального государства, концепт «дух народа» и прочие структурообразующие идеологемы романтического национализма. Даже в куда более поздний период представления о месте Чужого в истории России играли важную роль в формировании претендовавших на научность и истинность концепций, касающихся, например, истории формирования российской государственности [Светлов 2017а, 255–264; Светлов 2017б]. Тем более неудивительно, что в интересующий нас период в русской учебной литературе характеристики «национальных» особенностей являются в том числе основанием для дальнейших выводов относительно типичного национального поведения и определенных ожиданий. Использование одних и тех же учебных материалов в учебных заведениях по всей Российской империи способствовало тому, что описания «национальных» особенностей, транслируемые в этих книгах, становились распространенными стереотипами, на которых и строился комический эффект в карикатурах. «Общество рассматривало и продолжает рассматривать школьный учебник как вместилище общепризнанной и разделяемой в этом обществе исторической позиции» [Соколов 2007, 128]. Поэтому учебники политической и культурной географии, на наш взгляд, являются важным источником для выявления основных «националистических» установок в отношении других народов.

Учебники географии, как и учебные пособия по другим дисциплинам, были достаточно стабильными, они переиздавались огромными тиражами и сохранялись в использовании на протяжении достаточно долгого времени – практически десятилетиями, поэтому для анализа ситуации в интересующий нас короткий период мы обращаемся к учебникам, опубликованным на протяжении практически пятидесяти лет, начиная с 1860-х гг. Более того, важно по-

нимать, что преподавание географии в школе в этот период мало менялось по форме. Названный «схоластикой в педагогике» Ушинским, способ преподавания строился на зубрежке номенклатуры и рисовании карт по памяти. Хотя школьная программа на протяжении XIX века несколько раз кардинально перестраивалась, при этом изменялись и подходы к преподаванию географии, которые предлагались учителям новаторами в педагогике, однако на местах изменения происходили достаточно медленно и неохотно. Важно, что география была включена в учебную программу младших классов³, и это способствовало тому, что национальные стереотипы, которые транслировались на уроках географии, усваивались как фундаментальные, и даже переформатирование школьных курсов, произошедшее в 1890-е гг., мало что поменяло в интересующий нас период. Содержательно идеологические положения в отношении к другим государствам и народам в учебниках 1860–1914 гг. совпадали, поскольку преподавание все-таки было стандартизированным и строго контролировалось чиновниками Министерства народного просвещения. В отношении некоторых народов национальные установки были достаточно стабильными (немцы, англичане, французы, турки), в отношении других дискурс только формировался, и на протяжении нескольких десятков лет (с 1860-х по 1914) эти характеристики были достаточно подвижными (азиатские народы, такие как китайцы, японцы). Вместе с тем стереотипы эти не всегда совпадали со стереотипами, сложившимися у других народов, равно как и не обязательно были взаимно отрицательными или взаимно положительными.

Показательным примером может служить рассогласование между образом русских в немецких учебниках и образом немцев – в русских. Несмотря на то, что оба национальных дискурса основывались на ориенталистском делении мира на Восток и Запад (Азию и Европу) (см.: [Wolff 1994]), Германия и Россия по-разному определяли место русских в этом делении. Если для Германии внешние границы Российской империи являлись границами Азии (Востока) [Klug 1987; Jahn 2007]⁴, то сами русские видели эту границу между Востоком и Западом значительно глубже в континент, преимущественно в юго-восточном направлении, а себя причисляли как раз к Западу (Европе), что отражается в русской карикатуре, где Япония

³ Только в 1914 г. программа была пересмотрена, был принят новый учебный план школы, предполагавший преподавание географии и в старших классах гимназии и реальных училищ.

⁴ Речь идет, конечно, об обыденном знании, идеологических политических конструктах и т. п., отражающихся на ментальных картах, а не в научных исследованиях немецких ученых.

и Китай репрезентируются как «дикие» азиаты, варвары. В этом отношении вполне понятны различия в установках. Для немцев «племена русских – наполовину азиатские. Ум их несамостоятелен, чувство реальности подменяется слепой верой, им не хватает исследовательского инстинкта. Раболепие, продажность, нечистоплотность есть качества сугубо азиатские» [Seydlitz 1908, 25]⁵. Поэтому и визуальный образ вполне соответствует устоявшейся традиции⁶ изображения русских как «бородатых диких мужиков, которые своей кочевой жизнью делают небезопасными сибирские леса и вот-вот набросятся на Европу» [Хофбауэр 2018, 49–50].

В противоположность такой антирусской установке немецкого учебника и несмотря на явно антигерманскую и антинемецкую⁷ направленность политического (и медиа-) дискурса, а также сложившиеся культурные националистические антинемецкие установки⁸, русские авторы в своих учебниках географии характеризуют немцев положительно, направляя свой критический пафос на юго-восточных соседей. Все учебники, написанные и опубликованные с 1860-х годов до начала Первой мировой войны, уверены: Германия «находится на высокой степени развития» [Ободовский 1874, 330]: ее язык превосходит другие европейские языки «богатством, силою и гибкостью» [Ободовский 1874, 329], а «литература ее превосходит обширностью и глубокомыслием литературы других народов» [Ободовский 1874, 330]; «земледелие, промышленность, торговля и образование доведены до совершенства трудолюбием, усидчивостью, терпением, аккуратностью, систематичностью и любознательностью немца» [Разумов 1863, 136], хотя вместе с тем они «малоподвижны и неуклюжи... отличаются флегматическим характером» [Крубер и др. 1908, 245]. Германия изображалась как игрок внешней политики, который заслуживает по крайней мере уважения и признания. После объединения государства вокруг Пруссии под властью Вильгельма Первого Германия упрочила свои внешнеполити-

⁵ Концепт «полуазии» особенно актуализировался во второй половине XIX века. Для немецких государств он был способом идентификации на волне политики объединения и создания единой Германии (см.: [Волощук 2020; Voloshchuk 2019a; Voloshchuk 2019b]).

⁶ Подробный исторический обзор этой идеи, начиная с XVI века до настоящего момента, дал Ханнес Хофбауэр [Хофбауэр 2018].

⁷ Процесс объединения Германии из нескольких десятков разрозненных государств в течение XIX века отразился и в культурных репутациях жителей этих государств и происходивших оттуда. Общее название «немцы» могло заменяться на «германцев», дополняться «пруссакками» и пр. Однако происходивших из различных земель Германии, даже и до 18 января 1871 (провозглашения Германской империи), но живших в России, чаще всего именовали общим этническим обозначением «немцы», в то время как обозначение «германцы» указывало на приезжих.

⁸ Об антинемецких установках в русской культуре см.: [Оболенская 2000; Жарких 2012].

ческие позиции. Культурная репутация Германии, зафиксированная в учебниках географии, содержала высокую оценку на основе прежних научных и образовательных достижений. Никакое другое государство не оценивается так однозначно высоко и многословно. «Ни в какой стране нет такого количества низших, средних и высших заведений, как в Германии. Нет почти деревни, где не было бы школы; кроме гимназий и лицеев есть много заведений со специальным назначением, по части коммерческой, технической и пр. Университеты славятся в Берлине, Мюнхене, Тюбингене, Бонне, Вюрцбурге, Гейдельберге, Лейпциге, Йене, Галле и Геттингене... *Кеплер*, основатель новейшей астрономии, *Лейбниц*, математик и философ, *Кант*, творец критической философии, – были немцы; *Риттер* создал новую науку из географии. *Клопшток*, творец Мессияды, *Шиллер*, *Гёте* (Gothe) – величайшие поэты. В Германии сделаны многие важные изобретения: приготовление бумаги из льняных тряпок (в 1301 г.), пороха (в 1348), книгопечатание (в 1436), гравирование на меди (в то же время), карманные часы (в 1500 г.), воздушный насос (1650), фарфор, зажигательное стекло, фортепьяно, солнечный микроскоп, литография и многие другие» [Ободовский 1874, 329–330]. Такое лестное описание Германии, опубликованное в учебнике 1874 года, несло не только действительные научные достижения, но и политические ожидания после заключения «Союза трех императоров» (1873), а также благодаря традиционно прорусской позиции Пруссии, которую озвучивал император Вильгельм. Однако усиление немецких военно-морского флота и армии послужило основанием для трансформации в национальном стереотипе о Германии научных достижений в военно-промышленные (ил. 1).

История картографирования насыщена примерами построения пространства в перспективе имагологического дискурса [Троицкий 2020]. Образы Чужого, с такой любовью выписанные в карикатурах, обязательно соответствуют конкретным «идеальным тварям» из классических бестиариев. Каждая из «идеальных тварей» имеет свои «психологические» характеристики, которые при совпадении со стереотипными «ментальными» характеристиками конкретного народа могут стать основанием для перенесения визуального зооморфного образа чудовища на антропоморфный объект, который является репрезентацией как коллективного (народа в целом), так и усредненного индивидуального тела (каждого конкретного представителя народа). При этом основанием такой репрезентации является передача не всего комплекса характеристик, но только одной или двух, наиболее ярких и отличительных, черт [Salamanca,

Rodrigues 2015], что делает карикатуру очень похожей на механизм построения (национальных) стереотипов [Попков 2002]. Каждый новый прецедент такого перенесения «зооморфного» образа на антропоморфный объект создает новую репрезентацию ментальных характеристик, способную расширить иконографический ряд, в рамках которого возможны сюжетные развития и любое сочетание элементов. Такой визуальный троп является аналогом литературного (речевого), тесно с ним связан, хотя и развивается по собственным законам, как и визуальная риторика по отношению к классической риторике в аристотелевском ее понимании. Если проводить аналогии между жанрами изобразительного искусства и жанрами литературы, то карикатура, особенно с зооморфными образами, аналогична басне: они используют те же тропы, те же технические средства, имеют сходную образность, обращаясь к стереотипизованным по отдельным приписываемым чертам образам животных.

Ил. 1. «К последним событиям». Автор рисунка – А. Миллер.
 Карикатура опубликована на обложке журнала «Шут», 1903, № 28 (12 (25) июля).
 Рисунок сопровождается словами «Немец: “Уж не разоружиться ли мне”»

Карикатура развивается с конца XVIII века как один из главных инструментов социальной критики и протеста⁹. Основным тропом карикатуры является озверинивание человека, благо к тому времени существовали зоофизиогномические таблицы, где «путешествия» форм из животного в человека и обратно проработаны были достаточно тщательно (ил. 2). На протяжении XIX века политическая фауна в публицистике занимает свое место, анималистическая карикатура фактически реализует идею «романтиков» о сопоставлении «фауны с народом или с социальной группой, с “реалистическим” образом человека» [Балтрушайтис 2018, 239] (см. также: [Haywood 2013]).

Ил. 2. «Таблица Лафатера». Gradation de la tête de grenouille jusqu'au profil d'Apollon, d'après les idées du célèbre Lavater. («Градация головы лягушки до профиля Аполлона в соответствии с идеями знаменитого Лафатера»).
Источник: Aquatints & Etchings. Library of Congress Prints and Photographs Division (between 1793 and 1810), 49.5 × 58.8 cm

⁹ Карикатура институализируется в XIX веке настолько, что выпускаются специальные труды по истории карикатуры [Champfleury 1865; Wright 1865].

Благодаря развитию этого тропа визуальной риторики были сформированы национальные языки фиксации Чужого и его трансформаций в отношении к его пространственному распределению на ментальной карте. В контексте романтического национализма такая отстройка была особенно важна для национальной самоидентификации, формирования модели стабильной идентичности.

Национальные стереотипы, транслируемые школьными учебниками, носят сущностный характер, т. е. нация описывается как целое, объединенное благодаря общим свойствам, таким образом, предполагается, что и поведение представителей нации должно исходить из этих свойств. И, конечно, государственные чиновники, представляющие нацию, или монархи соответствуют тем же качествам, а следовательно, их поступки, политические решения интерпретируются, исходя из ожиданий, заложенных в эссенциалистских национальных стереотипах. Карикатура, как правило, выступает в качестве реакции на событие, т. е. на эссенциалистский стереотип накладывается еще и ситуативная интерпретация действующего субъекта карикатуры, которая не отменяет, а дополняет эссенциалистский стереотип. В связи с этим в карикатуре мы можем наблюдать ситуативную вариативность образа, который вне конкретной ситуации, не отражающей его стереотипных свойств, носит характер сложившегося и зафиксированного, поскольку во всех остальных случаях выступает в соответствии с эссенциалистскими ожиданиями.

Сопоставление национальных стереотипов в отношении значимого Другого, зафиксированных в российских учебниках, с карикатурными изображениями позволяет понять содержание ожиданий, а значит, соответствие их стабильной иконографии. Неудивительно, например, что карикатуры на Турцию строятся на ее стремлении сохранить свой *status quo* в регионе. В учебнике географии Ф. Д. Студитского лень названа основной сущностной характеристикой турок: «Турки чрезвычайно ленивы и не пользуются выгодами местоположения» [Студитский 1843, 71]. Другой учебник в качестве сущностной характеристики добавляет к лени еще и деспотичность по отношению к подчиненным народам, что вызывает ответную ненависть по отношению к туркам, хотя и по отношению друг к другу подчиненные народы проявляют ненависть («Турки, как господствующий народ, угнетают и разоряют подчиненные им народы; как мусульмане – ненавидят и презирают последователей прочих религий, называя их одним общим именем *раиев*. Ограбленные и презираемые национальности ненавидят турок как притеснителей, но в то же время, не имея возможности свергнуть с себя тяже-

лое иго, унижаются пред ними, заискивают в них и из зависти друг к другу ненавидят одни других: славяне – греков, армян и албанцев, а эти – славян» [Ободовский 1874, 314]). Турция выступает здесь не только как угнетатель по отношению к подчиненным народам, но и как гарант стабильности в регионе (ил. 3).

Ил. 3. Миллер А. К окончанию вмешательства Европейских держав в греко-турецкий вопрос. Рисунок // Шут, 1897, № 49 (6 (18) декабря). С. 4

Армянский кризис в Турции в 1894 году и последовавший за ним геноцид армян вызвали реакцию со стороны европейских государств во главе с Великобританией, вторжение которой было очень вероятным и активно обсуждаемым не только в английских политических кругах и прессе. За армянским кризисом последовал критский кризис, переросший в греко-турецкую войну. Турция стремилась восстановить власть над Критом, но миротворческая кампания европейских государств привела к стабилизации ситуации. На стороне греков готовы были выступить Сербия и Болгария, однако российское правительство сделало все, чтобы предотвратить это, то есть временное доминирование Турции в регионе было сохранено, несмотря на очевидность ее ослабления и стремление отдельных государств поживиться «турецким наследством» (ил. 4).

Илл. 4. Миллер А. К последним событиям. Рисунок // Шут, 1897, № 31 (2(14) августа). С. 12

Для фиксации образа за конкретным народом-страной, любой представитель которого(ой) воспринимается как типичный, т. е. как соответствующий стереотипу, в (карикатурных) образах используются типичные визуальные элементы, кочующие из изображения в изображение и от художника к художнику, своеобразный маркер, как, например, пикельхельм в образах Германии, феска – Турции, рыжие бакенбарды – Великобритании, цилиндр – США или Японии. Достаточно показательной является визуализация Франции, изображение которой как смазливой барышни, кокетничающей то с одной страной, то с другой, дополняется красным фригийским колпаком, напрямую отсылая к Французской революции как уникальному историческому французскому событию [Gomblich 1999], а также к Марианне как символу революции (Делакруа «Свобода на баррикадах» («Свобода, ведущая народ 28 июля 1830 года») (1831)). Эта шапочка присутствует не только в антропоморфных, но и в зооморфных карикатурных изображениях Франции в виде галльского петуха. Визуализация Франции соответствует описанию ее суще-

ности из учебника географии как поверхностной и гонящейся за модой: «...образование также не общераспространенное и неравномерное, но весьма пестрое, блестящее, отличается перелетною модою, неподдельным вкусом, поверхностным содержанием» [Разумов 1863, 144].

Еще один участник «Союза трех императоров» – Австрия (Австро-Венгрия) – не имела такого положительного реноме, как Германия. «Империя конституционная, бессвязная, разнохарактерная, чисто искусственная, одолженная существованием единственно своему срединному положению» [Разумов 1863, 139], – пишет автор учебника 1863 года. Отчасти это связано было с постоянной конкуренцией с Россией, внутри- и внешнеполитическими, а также национальными кризисами, которые сопровождали Австро-Венгрию вплоть до падения в 1918 году. Множество внутренних противоречий не способствовало усилению Австрии, тем более после объединения Германии по малогерманскому сценарию (без Австрии). Поэтому «конституционная, бессвязная, разнохарактерная» империя, погруженная во внутригосударственные разборки, не воспринималась как серьезный внешнеполитический игрок, а потому карикатурно изображалась либо в связи с отношениями национальностей внутри страны, либо в связи с политическим кризисом.

К концу XIX – началу XX века для России (и не только для нее) актуализируется дальневосточный вектор внешней политики. Азиатские страны, еще недавно бывшие «закрытыми», вызвали любопытство у европейцев, а у европейских правительств – стремление поучаствовать в разделе «азиатского пирога». Самыми активными региональными игроками внешней политики второй половины XIX века являются Китай и Япония, демонстрирующие определенные темпы модернизации экономики, а следовательно, и европеизации культуры, что вызывает недовольство консервативных кругов обеих стран и приводит к восстаниям и войнам. Колониальная политика в этом регионе с необходимостью предполагала сравнение европейских и азиатских культур, зачастую не в пользу последних. Например, учебник географии 1863 года одинаково негативно оценивает и Китай («Страна древняя, промышленная, неуклюжая, отсталая» [Разумов 1863, 26]), и Японию (Государство «даже образованное, но мало развитое, закованное формальностью и деспотизмом» [Разумов 1863, 106]), а учебник 1874 года подтверждает культурную репутацию Китая («Китайцы достигли с древнейших времен довольно значительной образованности; но остановились на известной степени и более не совершенствуются» [Ободовский 1874,

329]), что находит свое отражение в карикатуре (ил. 4). Вместе с тем карикатуры демонстрируют представление о Китае и Японии как о подверженных влиянию других стран, отражая таким образом колониальную сущность претензий на этот регион (ил. 4).

Вместе с тем традиционалистские и консервативные настроения в Европе, основанные на идеологии романтического национализма, позволяли выявлять в культурах Азии «нравы», которым можно было бы подражать: китайцы «образованнее всех народов Азии, и разве одни японцы с ними равняются; впрочем, преданы идолопоклонству, в котором превосходные правила смешаны с нелепостями» [Ободовский 1874, 329]; японцы «отличаются любознательностью, способностями и трудолюбием. Каждый японец умеет читать и писать» [Ободовский 1874, 334]. И даже после русско-японской войны японцы оцениваются автором учебника географии для офицеров, опубликованного в 1914 году, как заслуживающие уважения и могущие быть образцом для подражания: «Японцы отличаются необыкновенною храбростью, энергиею, настойчивостью, чрезвычайным развитием патриотизма; для пользы и славы родины и своего Императора Японцы готовы на все... Японцы необыкновенно скромны в своих потребностях... Патриотизм, культ предков, храбрость, воздержанность – отличительные свойства Японца» [Христиани 1914, 15]. Неудивительно, что Япония часто предстает в карикатурах в виде солдата (ил. 4), а при отображении взаимоотношений между Японией и Китаем признание силы, скорее, за первой.

В целом карикатуры с азиатскими образами еще не демонстрируют сложившуюся иконографию, достаточно сильна ситуативность, а визуальная риторика базируется на случайных метафорах. В отношении Китая наиболее устойчивым образом оказывается дракон, а в отношении Японии – помимо солдата, обезьяноподобное существо или гейша.

Социальный спрос на юмористические (сатирические) образы условного Чужого стимулировали расцвет искусства карикатуры во Франции, Великобритании, США, России и других странах [Klingender 1944; George 1959; Kenney, Merriman 1991; Porterfield 2011; Алентьева 2020] и значение ее для фиксации и закрепления национальных стереотипов. Активное освоение азиатского региона, в особенности Японии и Китая, добавляет их образы к уже сложившимся к концу Наполеоновских войн: медведь – Россия, белоголовый орел – США, орел – Германия, галльский петух – Франция, двуглавый орел – Австрия (ил. 5).

Ил. 5. [А.Р.] Джон Буль. «Кажется, они начинают думать, что я не лев». Рисунок // Шут, 1901, № 17 (21 апреля (4 мая)). С. 8

Герои карикатур не только визуализируют гипертрофированные / гиперболизированные национальные стереотипные черты, но и утверждают эти стереотипы, делая их более узнаваемыми и популярными. Привлечение учебников географии для выявления источников стереотипных представлений, отражающихся в карикатурах, позволяет объяснить особенности представлений о значимом Другом в конкретной культуре. Трансформация эссенциалистской имагологической риторики (учебники географии) в визуальную юмористическую (карикатуры) демонстрирует, как языковые конструкции уточняются композиционными, «научный» дискурс того времени легко превращается в пропагандистский, абстрактные национальные черты конкретизируются в конкретном комическом (сатирическом) образе-персонаже, усиливаясь за счет воплощения в нарративе исторического события.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алентьева 2020 – Алентьева Т. В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877). СПб.: Алетейя, 2020.

- Артемова 2002 – *Артемова Е. А.* Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Балтрушайтис 2018 – *Балтрушайтис Ю.* Зоофизиогномика // Мир образов. Образы мира: антология исследований визуальной культуры. СПб.–М.: Новое издательство, 2018. С. 217–240.
- Беллярминов 1910 – Элементарный курс всеобщей и русской истории / сост. И. Беллярминов. 38-е изд., с картами и 150 рисунками. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910.
- Водовозов 1871 – *Водовозов В. И.* Книга для первоначального чтения в народных школах. [1-е изд.]. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1871.
- Волощук 2020 – *Волощук Е. В.* Швабский плут в украинском небе: литературные репрезентации немецко-украинского пограничья в дискурсе памяти о волинских немцах (на материале творчества Г.-У. Трайхеля) // Журнал фронтальных исследований. 2020. № 1 (17). С. 112–126.
- Денисов 2009 – *Денисов Д. А.* Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2009. № 1. С. 113–126.
- Жарких 2012 – *Жарких Е. В.* Формирование национальных образов Германии в русском обществе в конце XIX – начале XX веков // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (2). С. 86–89.
- Журавлева, Курилла 2009 – *Журавлева В. И., Курилла И. И.* Предисловие // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В. И. Журавлевой, И. И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 5–10.
- Королева 2016 – *Королева С. Б.* Британский миф о России. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2016.
- Крубер и др. 1908 – Европа: иллюстрированный географический сборник / сост. преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. 3-е изд. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1908.
- Ободовский 1874 – *Ободовский А. Г.* Всеобщей географии учебная книга. 14-е изд. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1874.
- Оболенская 2000 – *Оболенская С. В.* Германия и немцы глазами русских: XIX век. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2000.
- Попков 2002 – *Попков В. Д.* Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 5 (3). С. 178–191.
- Раевский 1911 – *Раевский Н. И.* География как наука и учебный предмет (методика географии). 5-е изд. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1911.

- Разумов 1863 – *Разумов И. К.* Землеведение для начинающих. М.: Тип. Л. И. Степановой, 1863.
- Рождественский 1882 – Отечественная история в связи с всеобщей (средней и новой): курс средних учебных заведений: с приложением хронологической таблицы / сост. С. Рождественский. 7-е изд. СПб.: Тип. доктора М. А. Хана, 1882.
- Светлов 2017а – *Светлов Р. В.* Идеология и история: история России как предмет идеологической конкуренции. СПб.: РХГА, 2017.
- Светлов 2017б – *Светлов Р. В.* Неоязыческая экспансия в прошлое (князь Владимир как «опрессивная фигура») // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 4. С. 203–210.
- Соколов 2007 – *Соколов Н. П.* Школьный учебник как «вместилище» принятой в обществе исторической позиции // Горбачевские чтения. М.: Горбачев-фонд, 2007. Вып. 5. С. 128–131.
- Студитский 1843 – *Студитский Ф. Д.* География для детей. Европа [тетрадь третья]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. А. Бородина и К^о, 1843.
- Троицкий 2020 – *Троїцький С.* Імагологічний бестіарій у політичній карикатурі на межі ХІХ–ХХ століть (1890–1905): зоофізіогноміка як інструмент візуальної риторики // Δόξα / Докса. 2020. Вип. 1 (33). С. 159–174.
- Ушинский 1870 – *Ушинский К. Д.* Детский мир и Хрестоматия. 10-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. П. И. Глазунова, 1870.
- Хофбауэр 2018 – *Хофбауэр Х.* Россия: образ врага. История одной демонизации / пер. с нем. Краснодар: Экоинвест, 2018.
- Христиани 1914 – *Христиани Г. Г.* Всеобщая география: руководство для офицеров, поступивших в Императорскую Николаевскую военную академию. СПб.: Тип. Николаевской военной академии, 1914. Вып. 5.
- Champfleury 1865 – *Champfleury.* Histoire de la caricature antique. Paris: Dentu, 1865.
- George 1959 – *George M. D.* English Political Caricature: a Study of Opinion and Propaganda. Oxford: Clarendon Press, 1959.
- Gombrich 1999 – *Gombrich E. H.* The Dream of Reason: Symbols of the French Revolution // The Use of Images: Studies in the Social Function of Art and Visual Communication. London, 1999. P. 162–183.
- Halder, Michel 2018 – *Halder S., Michel B.* This is Not an Atlas // This is Not an Atlas / ed. by S. Halder, K. Heyer, B. Michel, S. Greth, N. Baumgarten, P. Boos, J. Dobrusskin, P. Schweizer, L. Virchow, C. Lambio. Bielefeld, 2018. P. 12–25.

- Halperin 2018 – *Halperin C. J.* The double standard: Livonian chronicles and Muscovite Barbarity during the Livonian War (1558–1582) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. Vol. 1 (23). P. 126–147.
- Haywood 2013 – *Haywood I.* Romanticism and Caricature. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. (Cambridge Studies in Romanticism).
- Jahn 2007 – *Jahn P.* Befreier und halbasiatische Horden. Deutsche Russlandbilder zwischen Napoleonischen Kriegen und Erstem Weltkrieg // *Unsere Russen – Unsere Deutschen. Bilder vom Anderen 1800 bis 2000*. Berlin: Deutsch-Russisches Museum Berlin–Karlshorst, 2007. S. 14–29.
- Kenney, Merriman 1991 – *Kenney E. K., Merriman J. M.* The Pear: French Graphic Arts in the Golden Age of Caricature. Michigan, 1991.
- Klingender 1944 – *Klingender F. D.* Hogarth and English Caricature. London, 1944.
- Klug 1987 – *Klug E.* Das „asiatische Rußland“. Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils // *Historische Zeitschrift*. 1987. № 245. S. 265–289.
- Moore 2015 – *Moore J. R.* Representations of France in English Satirical Prints 1740–1832. London, 2015. (War, Culture and Society, 1750–1850).
- Pickles 2004 – *Pickles J.* A History of Space. Cartographic Reason, Mapping and the Geo-coded World. London, 2004.
- Porterfield 2011 – *The Efflorescence of Caricature, 1759–1838* / ed. by T. Porterfield. London, 2011.
- Ruffmann 1952 – *Ruffmann K.-H.* Das Rußlandbild im England Shakespeares. Göttingen, 1952.
- Salamanca, Rodrigues 2015 – *Salamanca D. G., Rodrigues J. R.* The Drama of Caricature: Simplification and Deformation as Avant-Garde Rhetorical Devices // *On the Edge of the Panel: Essays on Comics Criticism* / ed. by E. Claudio, J. Cañero. Cambridge, 2015. P. 94–108.
- Senghaas 1972 – *Senghaas D.* Rüstung und Militarismus. Frankfurt / M., 1972.
- Seydlitz 1908 – *Seydlitz E. von.* Gejgraphie. Ausgabe B, Kleines Lehrbuch. Breslau, 1908.
- Voloshchuk 2019a – *Voloshchuk I.* Die „schöne neue Welt“ des Sowjetimperiums in Joseph Roths Reportagenreihe „Reise in Rußland“ // *Der lange Schatten des „Roten Oktober“*. Zur Relevanz und Rezeption sowjet-russischer Kunst, Kultur und Literatur in Österreich 1918–1938 / hrsg. von P.-H. Kucher, R. Unterberger. Berlin, 2019. S. 133–148.
- Voloshchuk 2019b – *Voloshchuk I.* Die Ukraine als Palimpsest: Imperiale Phantomgrenzen der Ukraine aus der Perspektive der ukrainischen

und der deutschsprachigen Literatur nach 1991 // Umstrittene Räume in der Ukraine [Schriftenreihe „Phantomgrenzen in Ostmitteleuropa“] / hrsg. von S. von Löwis. Göttingen, 2019. S. 73–98.

Wolff 1994 – *Wolff L.* Inventing eastern Europe. The Map of Civilization on The Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994.

Wright 1865 – *Wright T.* A History of Caricature and Grotesque in Literature and Art. London, 1865.

Материал поступил в редакцию 18.03.2021

Материал поступил в редакцию после рецензирования 26.09.2021